

РУССКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *РАХМАННЫЙ* В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА ВНЕШНОСТИ

Исследуются происхождение русского диалектного слова *рахманный* и история возникновения параметрического и эстетических значений внешности в его семантической структуре. В результате проведенного исторического анализа выявлено, что восточнославянское *рахманный* – производное от заимствованного из греческого языка существительного *рахман* ‘индийский жрец, философ-аскет’. Мотивирующим для признаков полноты тела человека и эстетической оценки внешности в русских говорах послужил признак ‘не такой, как все, отличающийся от других’.

Ключевые слова: диахрония; диалектология; сравнительно-историческое языкознание; заимствование; историческая лексикология; этимология.

Объектом нашего исследования являются имена прилагательные, репрезентирующие национальный образ внешности в русских народных говорах, характеризующие человека в связи с его физическими особенностями.

В русских диалектах зафиксирована лексема *рахманный* (*рахманий, рохманий*), которая представляет внешность человека с разных сторон – параметрической и эстетической.

С параметрической точки зрения прилагательное *рахманный* характеризует полное телосложение человека: в значении ‘толстый, полный’ эта лексема представлена как в северных, так и в южных русских народных говорах (Тул., Дон., Арх. с 1907): *Золвка у меня рахманная, не повернется, быстро ничего не сделает.* Дон. [1. С. 344; 2. С. 445; 3. С. 69]. Как оттенок указанного значения в СРНГ без контекста приводится ‘жирный’ (Арх.) [1. С. 344]. Однозначно непонятно, оценивает ли данный оттенок человека или относится к неодушевленным предметам или животным.

В южнорусских и среднерусских диалектах прилагательное *рахманный* фиксируется в значении как положительной, так и отрицательной оценки внешности человека. ЛСВ ‘красивый’ встречается в новгородских и донских говорах: *Рахманный парень Мишка-то Вальки Безногова, отбою у него от девок нет.* Новг. [4. С. 1017]. В словарях донских говоров это значение представлено как ‘пышный, красивый’ (Дон., Новг.): *Деука такая рахманная, кроу з малаком.* Дон. [2. С. 455; 3. С. 69]. Указанный контекст является достаточно спорным: ‘красивый’ или же ‘здоровый, крепкий’? Возможно, в данном случае эстетическая оценка человека выражается синкретично с параметрической: здоровый, крепкий человек в народной культуре является красивым, привлекательным внешне. ЛСВ ‘невидный, невзрачный, некрасивый’ отмечен в донских и нижегородских говорах (Нижегор. с 1852 г., Дон.): *На что такая рахманная нужна, хто ие вазьмет? Дюжы плахая, никрасивая.* Дон. [1. С. 344; 2. С. 455].

Как характеристика человека с точки зрения конкретного физического изъяна – в значении ‘пучеглазый’ – анализируемое прилагательное наблюдается в севернорусских говорах (Вят.): *Ой ты рахманный – пучеглазой экой.* Вят. [1. С. 345]. Представленный в СРНГ контекст, на наш взгляд, является не самым по-

казательным, поскольку не совсем понятно, какой именно ЛСВ здесь представлен – ‘пучеглазый’ или же общая эстетическая оценка внешности человека ‘некрасивый’.

В семантической структуре диалектного слова *рахманный* широко представлена энантиосемия. Помимо указанных выше ЛСВ данное прилагательное, имея широкий ареал распространения (севернорусские, среднерусские, южнорусские говоры), отмечается в русских народных говорах во множестве других значений, в основном характеризующих человека как с положительной, так и с отрицательной сторон.

Представим сначала парные антонимичные характеристики человека диалектным прилагательным *рахманный*.

I. С точки зрения характера, особенностей поведения человека:

1. ‘Тихий, спокойный, смирный, кроткий’ (о человеке, также о животном) (Курск., Калужск., Смол., Пск., Калинин., Влад., Юго-Вост., Юго-Зап., Зап., Орл., Тул., Казан., Брян., Нижегород., Тамб.): *Хороший мальчик рахманный, культурный.* Брян. *Человек он был совсем рахманный, никого не обижал.* Брян. *Вот у нас рахманная лошадь никого не тронет.* Пск. [1. С. 343; 5. С. 230; 6. С. 230; 7. С. 789; 8. С. 1660].

Этот ЛСВ, таким образом, встречается чаще в южнорусских говорах, реже – в среднерусских.

Как варианты в СРНГ приводятся ‘неразвязный, скромный’ (Юго-Зап., Юго-Вост., Тамб., Нижегород., Калуж., Курск., Смол., Пск.) и ‘задумчивый’ (Пск.) [1. С. 343].

2. ‘Веселый, разбитной, разгульный, жизнерадостный, говорливый’ (Вят., Костром., Север., Вост., Вят., Костром., Ярослав., Новг., Пск., Эст. ССР.): *Рахманный – очень веселый, умеет сам веселиться и других веселить, много находчивости в ем.* Новг. *Когда человек рахманный, с им и говорить приятно.* Эст. ССР. [1. С. 344; 4. С. 1017; 9. С. 190]. Данный ЛСВ представлен в основном на северных и среднерусских территориях России.

II. С точки зрения скорости действий человека, особенностей темперамента:

1. ‘Вялый, медлительный, непроторный, нерасторопный’ (Орл., Курск., Тул., Юго-Зап., Юго-Вост., Вят., Костром., Вологод., Калинин., Тамб., Нижегород., Казан., Самар., Зап.-Брян., Пск.): *Парень у нее такой рахманный, что не дай Бог, что делать возьмется, не*

дождешься. Тул. *Какая ты рахманная, точно к завтраму надо.* Волог. [1. С. 343; 9. С. 190, 193; 10. С. 433].

2. 'Живой, бойкий, ловкий, расторопный' (Север., Вост., Вят., Костром., Яросл., Новг., Олон.): *Мать у тебя рахманная, как молодая бегаёт.* Новг. [1. С. 344; 4. С. 1017; 5. С. 230].

В этой паре значений также первое значение отмечается в основном в южных и среднерусских говорах, второе – в северных и среднерусских.

III. *Как характеристика умственных способностей человека:*

1. 'Слабоумный, глуповатый, недогадливый, несообразительный, бестолковый' (Юго-Зап., Юго-Вост., Яросл., Нижегород., Тамб., Костром., Калуж., Смол., Курск.) [1. С. 343; 9. С. 190]: *Эх ты рахманная! Ищешь, где не положено.* Яросл. [1. С. 343].

2. 'Толковый' (Новг.) (В НОС как оттенок 'бойкий, расторопный') [4. С. 1017].

В этой паре значение, отрицательно оценивающее умственные способности человека, представлено в разных группах русских говоров, второе – только в среднерусских говорах.

IV. *Как общая характеристика человека:*

1. Общая отрицательная оценка человека 'плохой' (Нижегор., Вят., Казан., Дон., Ряз.): *Он самый рахманный человек.* Нижегород. [1. С. 345; 3. С. 69].

2. Общая положительная оценка человека 'хороший' (Олон., Пск.) (в СРНГ как оттенок значения 'добрый, добродушный') [1. С. 343; 4. С. 1017].

Общеположительная семантика представлена в севернорусских и среднерусских говорах, общеприказательная – в основном в среднерусских и южнорусских говорах.

V. *С точки зрения рациональности поведения человека, расчетливости:*

1. 'Расчетливый' (Яросл.) [1. С. 345].

2. 'Простодушный, бесхитростный, простой' (Орл., Вят., Влад., Костром., Яросл., Твер., Пск., Калуж.) // 'простоватый' (Юго-Зап., Юго-Вост.) [1. С. 343; 8. С. 1660].

Первое значение зафиксировано в севернорусских диалектах, второе – в севернорусских, южнорусских и среднерусских группах говоров.

VI. *Как общая оценка характера человека:*

1. 'Добрый, добродушный' (Нижегор., Вят., Твер., Петерб., Яросл., Олон., КАССР): *Статься, быть может, невеста больно гожа? Да неча сказать, примолвила хозяйка, – вовсе не в матушку – такая добрая, рахманная.* Нижегород. *Рахманный – это и есть добрый.* Новг. [1. С. 343].

2. 'Бессердечный, бездушный' (Вят.) (без контекста) [Там же. С. 345].

Значение с положительной коннотацией представлено на территории севернорусских и среднерусских говоров, с отрицательной – только в вятских (севернорусских) говорах.

VII. *Как характеристика здоровья человека:*

1. 'Хилый, слабосильный, болезненный' (Юго-Зап., Юго-Вост., Самар., Ульянов., Влад., Калинин., Смол., Ряз., Волог., Орл.): *А второй сын у меня не такой. Здоровье у него плохое, рахманный такой.* Калинин. Как оттенки к представленному значению в СРНГ приво-

дятся 'расслабленный' (бранно) (Волог.) и 'заболевающий (о человеке)' (Орл.) [Там же. С. 344].

2. 'Здоровый, крепкий, румяный, пышный' (о человеке) (Пск., Дон.) синкретично с параметрической характеристикой (контекст см. выше) [1. С. 344; 2. С. 455; 3. С. 69].

Характеристика слабого здоровья прилагательным *рахманный* представлена на севернорусских, среднерусских и южнорусских территориях, крепкого здоровья – на среднерусских и южнорусских.

В семантической структуре русского диалектного прилагательного *рахманный* существует также много других значений, не имеющих антонимических пар, которые в основной своей массе оценивают характер человека, особенности его поведения, культурного развития, отношения к труду, хозяйству, к другому человеку.

Так, с отрицательной коннотацией в диалектах представлены следующие ЛСВ слова *рахманный*:

– 'бесхозяйственный, расточительный, беспечный': *Какой рахманный человек, все деньги растратил попусту, ничего не бережет.* Моск. (Твер., Калинин., Яросл., Южн., Горьк., Моск.) [1. Вып. 34. С. 344];
– 'небрежный, нерадивый' (Влад., Рост., Яросл.) [Там же];

– 'неорганизованный, несобранный' (Новг.) [4. С. 1017];

– 'неряшливый, неаккуратный' (Влад., Самар., Калуж., Нижегород., Костром., Яросл.) [1. С. 344];

– 'неосторожный, неосмотрительный' (Казан.): *Ну уж, какой рахманный.* Казан. [Там же];

– 'невеселый, скучный, унылый' (Юго-Зап., Юго-Вост., Калуж., Курск.) [Там же. С. 343];

– 'лукавый, хитрый' (Пск.) [Там же. С. 345];

– 'щеголеватый' (Север., Вост., Арх., Олон., Карел.) [1. С. 344; 11. С. 356] (отсутствие контекста в лексикографических источниках не позволяет однозначно отрицательно охарактеризовать коннотацию этого ЛСВ).

Как характеристика былинного персонажа Соловья-разбойника исследуемое прилагательное также употребляется в словосочетании *птица рахманная* (Олон.), семантика которого в СРНГ не приводится. Контекст, по всей видимости, указывает на пейоративное значение данного словосочетания: *А за рекой живет там разбойничек, А по названью живет Соловьяшка, А ведь как тая птица рахманная* [1. С. 345].

С положительной коннотацией в русских говорах отмечены следующие ЛСВ адъектива *рахманный*:

– 'гостеприимный, радушный, хлебосольный, угостительный' (Моск., Твер., Новг.): *Ты такой рахманный, вся душа нараспашку.* Новг. [1. С. 343; 4. С. 1017; 9. С. 190];

– 'не жадный, не скупой, щедрый, расточительный' (Твер., Петерб., Новг., Твер., Влад., Север., Вост., КАССР): *Павел! Барин рахманный, вези его хорошенько!* Новг. [1. С. 343; 9. С. 190];

– 'бесстрашный' (Тульск., Зап.-Брян.): *Ён таки у нас рахманы, что хоть куды пойде, накого не баицца.* Зап.-Брян. [1. С. 344; 5. С. 230];

– 'ласковый' (Вят., Яросл., Орл.) // 'обходительный, учтивый' (Олон., Яросл.) [1. С. 343];

– 'разговорчивый, общительный' (Север., Вост., Вят., Костром., Яросл.) [Там же. С. 344];

– ‘просвещенный, культурный, развитой’ (Арх.): *Рахманный человек – развитой человек. Арх.* [Там же];
– ‘довольный кем-, чем-либо, самодовольный, в хорошем расположении’ (Арх., Вост. Закамье) [1. С. 345; 12. С. 146].

Итак, ареал распространения ЛСВ прилагательного *рахманный*, характеризующих человека, – севернорусские, среднерусские и южнорусские говоры. В.И. Даль прокомментировал ареал следующим образом: «лексема *рахманный* имеет двоякое значение; на юго-зап. и юго-вост. от Москвы: вялый, хилый, неразвязный; смиренный, скучный, простоватый, глуповатый, нерасторопный; на *сев.* и *вост.* веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый, тчивый; щеголь; на пределах, и пр. в *моск.*, по краю *ниж.* и *тамб.*, *симб.* и *пенз.* значение смешанное, шаткое; в пск. ...по зап. тихий, кроткий, смиренный, ручной...» [8. С. 1660]. В говорах вторичного образования исследуемый адектив не фиксируется.

Несколько значений анализируемого прилагательного не относятся к характеристике человека: ‘вкусный, питательный’, ‘роскошный’, ‘немногочисленный, не густой, редко встречающийся’ (о растениях, ягодах): *Есть кистистое, а есть рахмнное. Оно такое рассыпистое, редкое, а то есть кистьми.* Ряз. [1. С. 344; 13. С. 487], ‘расхожий, плохой’, ‘пухлый’ (Дон.) [2. С. 455]. В форме *рахманной* употребляется по отношению к одежде ‘пышный, чопорный, раструбистый, нарядный’ (Карел.): *Сарафан-то какой рахманной* [11. С. 356].

В качестве производящей основы можно предположить существительное *рахман*, которое зафиксировано в среднерусских говорах в значениях ‘слабоумный, смиренный человек’ (Калуж.) и ‘хулиган, разбойник’ (бран.) (Новг.): *Он бы и убил, рахман такой, как бандит.* Новг. [1. Вып. 34. С. 342; 4. С. 1017]. Значения производящего слова не поясняют наличие у прилагательного *рахманный* семантики внешности человека.

Другие однокорневые диалектные слова также не имеют значений внешности человека, а в основном отражают семантику, связанную с поведением человека или животного (чаще всего ‘тихий, смиренный’ и реже – другие значения) как с положительной, так и с отрицательной коннотацией:

1) наречия *рахманно* ‘медленно’ (Тул.), ‘просто’ (Калуж.), ‘необдуманно, опрометчиво’ (Яросл.), ‘богато, роскошно’ (Арх., Яросл., Карел.) [1. С. 342; 11. С. 356; 12. С. 146], ‘широко, щедро, расточительно’ (Ряз.) // ‘много’ (Белоостров.), *рахманёшенько* ‘тихо, тихонько’ (Орл.) [1. С. 342; 7. С. 789];

2) существительные *рахманина* ‘тихий, спокойный, невозмутимый человек’ (Смол.), ‘добрый, покладистый, гостеприимный человек’ (Брян.), *рахмана* ‘растяпа’ (Сев.-Зап.), ‘добрый человек’ (Сев.-Зап.), *рахманник* ‘добродушный человек, добряк’ (Сев.-Зап.), *рахманюга* ‘тихий, кроткий, спокойный человек’ (Смол.), *рахманность* ‘небрежность, нерадивость, легкомыслие’ (Яросл.) [1. С. 342, 343; 7. С. 789], *рахманство* ‘миролюбие’ (Смол.) [1. С. 345; 7. С. 789], *рахманка* о равнодушной женщине’ (Яросл.), ‘бранное слово’ (Дон.) ‘о бесхозяйственной, беспечной женщине’ (Яросл.) и некоторые другие значения [1. С. 342];

3) глаголы *рахманеть* ‘становиться смиреннее, спокойнее (о животном)’ (Смол.), перен. знач. ‘становиться теплее (о погоде), стихать (о ветре)’ (Смол.), *рахманничать* ‘богато, роскошно жить’ (Влад.), ‘вести расточительный, бесхозяйственный образ жизни, роскошествовать’ (Яросл., Моск.) [1. С. 342].

В севернорусских и среднерусских говорах встречается внешне и семантически близкое с *л* в корне прилагательное *рахмальный* (возможно, с диссимилиацией) ‘вялый, медлительный, непроторный, нерасторопный’ (Волог.) [1. С. 341, 342; 10. С. 433], ‘не жадный, не скупой, щедрый’ (Влад.), ‘бесхозяйственный, расточительный’ (Яросл.), ‘небрежный, нерадивый’ (Яросл.), ‘разговорчивый, словоохотливый’ (Вят.) [1. С. 341, 342]. Близки внешне и семантически исследуемому прилагательному существительное *рахмыжа* ‘несообразительный, неловкий, рассеянный человек, растяпа’ [4. С. 1017] и прилагательное *рахенький* ‘слабый, больной’ (Новг.) [Там же].

Чтобы выяснить внутреннюю форму слова *рахманный*, истоки первичной мотивации, возникновение у него семантики внешности человека, обратимся к данным истории русского языка. В современном русском литературном языке слово *рахманный* (*рахманный*) приводится только в БАС как ‘добродушный, веселый’ (с пометой «областное»): *Когда ему захотелось обнять лесника, покрытого добродушными саксонскими морщинами, он вдруг догадался, что значит по-русски немецкое слово [gemüthliche Sachsen]: саксонцы – рахманный народ. Пришвин. Кащеева цепь.* и как ‘небойкий, нерасторопный’ (контекст XIX в.): *Ведь, он старик добрый. – Конечно, не злой, да такой рахманный, что не приведи господи. Теперь покамест нечего, а вот как работа начнется, так вряд ли она справится. Загоскин. К.П. Мирошев.* [14. С. 1030]. В других современных лексикографических источниках литературного русского языка не отмечается.

В Национальном корпусе русского языка прилагательное встречается в противоположных значениях в одном и том же тексте: ‘праздный, щеголь, гуляка’: *Маменька недоумевала: «рахманный» – всегда щеголь, гуляка праздный.* Юрий Давыдов. Дорога на Голодай (1992), ‘тихий’: *А дочь полагала, что «рахманный» – всегда тихоня и недотепа.* Юрий Давыдов. Дорога на Голодай (1992) и как фамилия *Рахманный*: [15].

В словарях русского жаргона анализируемое прилагательное не было зафиксировано, но отмечено производное наречие *рахманно* (угол., одобр.) в значении ‘отлично, прекрасно, превосходно’ [16. С. 505].

Первая фиксация слова *рахманный* в словаре – XIX в. (1847 г.) [14. С. 1030]. В «Словаре церковнославянского и русского языка» лексема *рахманный* отмечена в значении ‘небойкий, нерасторопный’: *Рахманный мужичекъ* [17. С. 59]. В XVIII в. (в «Словаре Академии Российской») исследуемое прилагательное не было зафиксировано.

В XVII в. прилагательное представлено в двух вариантах: *рахманный* и *рохманный* в значении ‘простодушный’ [18. С. 119]. Контекст: *Рохман – entföldigk.* Пск. разгов., 1, 445. 1607. Под вопросом в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» из того же «Псковского разговорника» (1607 г.) приводится существительное

рахманинь (*рохман-*) ‘скромный человек’: *Рохманин* – *demodich*. Пск. разгов., 1, 445. 1607. В словаре есть примечание: «Если в источнике не ошибочное написание вместо прил. *рохманень*» [Там же].

Однокорневые имена собственные отмечаются в русском языке в основном с XVI в.: *Рахман*, *Рахманин*, *Рахманой*, *Рахманович*, *Рахманинов*, фамилия *Рахманов* чуть раньше – с конца XV в. (1498 г.) [19. С. 359, 746].

В древнерусском языке анализируемое прилагательное не встречается, фиксируется только однокорневое, по всей видимости, существительное *рахмане*, *рахмани* ‘индийские философы-аскеты, брахманы’: *О прихождении Олѣксандра въ Рахманы... Александр... поиде къ Рахманомъ, не къ борцемъ сущимъ, но к нагомудрецемъ, въ кучахъ и верьтеньхъ жующихъ*. Александрия, 84. XV–XII в. [18. С. 119]. А.И. Соболевский приводит слово *врахмане* в том же значении [20. С. 305]. Без *в-* в форме *рахмане* встречается с XIV в. (Василий архиепископ Новгородский в послании о земном рае пишет это слово без *в-*), позднее, в XV–XVII вв., отмечается чаще [20. С. 305; 21. С. 449, 450].

Проследив историю слова *рахманный* в русском языке, отметим, что данное прилагательное фиксируется с начала XVII в. (однокорневые существительные раньше – с древнерусского периода), но интересующие нас значения внешности человека были зафиксированы только в XIX–XX вв.

Поскольку данные истории русского языка по прилагательному *рахманный* и однокорневым образованиям не помогли раскрыть внутреннюю форму исследуемого слова и появление семантики внешности, обратимся к материалу других родственных языков.

В украинском языке наблюдаются прилагательное *рахманный* ‘тихий, смиренный; спокойного нрава’: *Рахманный кінь* [22. С. 7; 23. С. 1203; 24. С. 224; 25. С. 32, 33]. Зафиксированы также однокорневые существительные *рахман*, *рахманин* и *рахмин* ‘житель сказочной страны, праведный христианин’, ‘нищий’ [21. С. 449, 450; 22. С. 7; 25. С. 32, 33], наречие *рахманно*, адъектив *рахманський* ‘прил. к *рахман*’ [22. С. 7; 23. С. 1203]. В диалектах украинского языка (гуцульские говоры) лексема *рахманный* ‘честный, добродушный, мягкий’ [26. С. 161] и однокорневые *рахманин* ‘очень честный и порядочный человек’, *pluralia tantum рахмане* ‘добрые духи, мнимые люди, которые живут очень далеко’ (мифологическое) [26. С. 161]. Слово сочетание *на рахманський великдень* в украинском языке имеет значение ‘в долгий ящик’ [21. С. 449, 450], в гуцульских говорах это словосочетание отмечается как ‘день, который выпадает на четвертую среду после Пасхи’: *Рахмани – то такі люди, що цілий рік постят, а на Рахманський Великдень їх дванацять за делекими морями ділитци одним йїцем* [26. С. 161, 162].

В белорусском языке слово *рахманны* (*рахманы*), как в украинском языке и в западных русских говорах, имеет значение ‘спокойный, незлой, ручной, смиренный’ (о животных), ‘кроткий, добродушный, ласковый’ (о людях): *Рахманный хлопецъ. Рахманая скоцина*, ‘тихий, честный’, в форме *рохманы* в говорах в значении ‘вялый, болезненный’ [21. С. 449, 450; 27. С. 153; 28. С. 816; 29. С. 561]. В том же значении зафиксировано старобелорусское слово *рахманный*,

рохманный [27. С. 153]. Производные слова также не характеризуют внешность человека, но содержат семантику ‘тихий, смиренный, кроткий’: наречие *рахмана* ‘кротко’, ‘смирно’, существительные *рахманина* ‘тихоня’, *рахманька*, *рахманина*, *рахманюга* ‘тихий человек’ [29. С. 561] и *рахманасць* ‘кротость, покладистость’ (о человеке), ‘спокойствие, тихий нрав’ (о животном), глагол *рахманецъ* ‘становиться кротким, покладистым’ (о человеке), ‘становиться ручным, смиренным’ (о животном), ‘становиться пасмурнее’ (о погоде) [28. С. 816; 29. С. 561], *рахманицьца* ‘представлять вид кроткого, прикидываться кротким’, ‘делаться пасмурным’ (о погоде) [29. С. 561].

Кроме восточнославянских языков прилагательное отмечается только в польском языке в форме *rochmanny* в тех же значениях, что и в украинском и белорусском языках: ‘домашний, освоенный, прирученный’ (о животном, противоположность ‘дикий’), например, *rochmanne zwierzę* ‘прирученное, домашнее или дикое животное, которое ест с рук’ и ‘послушный, покорный, кроткий’ (о человеке) [27. С. 153; 30. С. 548; 31. С. 28; 32. С. 459], которое было заимствовано из восточнославянских языков [27. С. 153; 32. С. 459]. В польском языке (в том числе в диалектах) встречаются также производные глаголы *rochmannić* (*rochmanić*, а также *obrochmanić*, *urochmanić*) и *rochmannieć* ‘приручать, осваивать’ [30. С. 548; 31. С. 28; 32. С. 459] и существительные *rochmanność* ‘кротость’, *rochmanienie* ‘приручение животного’ [30. С. 548; 31. С. 28]. С гласным *a* в корне в польских диалектах встречается существительное *rachman* ‘спокойный, тихий человек’ и производное от него прилагательное *rachmański* в словосочетании *rachmańską Wielkanoc* ‘рахманская пасха (у гуцулов)’, *na rachmańską Wielkanoc zrobić* ‘сделать на рахманскую пасху = никогда не сделать’ [31. С. 28]. В словарях современного польского языка данные лексемы не фиксируются.

Таким образом, анализируемое прилагательное представлено в восточнославянских языках и польском. Оно имеет семантику ‘спокойный, тихий, скромный’, но не характеризует внешность человека.

Относительно происхождения прилагательного *рахманный* в этимологической литературе нет единства. Так, существуют две гипотезы его происхождения.

Первая гипотеза высказывается в этимологических словарях А. Преображенского [33], А. Брюкнера [32], ЕСУМ [25], М. Фасмера [21], в работах А.И. Соболевского [20] и А.Ф. Журавлёва [34]. Согласно этой точке зрения, лексема *рахманный* возводится к заимствованному из греческого языка существительному *рахман* от *βράχμανοι*, *βραχμῶνες* ‘брахманы, брамины, индийские жрецы’ (из др.-инд. *brahman*) [20. С. 305; 21. С. 449, 450; 25. С. 32, 33; 32. С. 459; 33. Т. 2. С. 186; 34. С. 451, 452]. Начальное *в-* от формы *врахмане* отпадает с XIV в. [20. С. 305; 21. С. 449, 450; 33. С. 186]. Слова *рахман*, *рахманный* были распространены благодаря устным пересказам «Сказания об Александре», «Хождения Зосимы», в которых рассказывается о мифическом народе, рахманах, из индийских браминов (брахманов) изменившихся в блаженный народ, праведных христиан [20. С. 305; 21. С. 449, 450; 33. С. 186; 35. С. 159, 160].

Согласно второй гипотезе [27. С. 153; 36. С. 272], прилагательное *рахманный* является тюркизмом, ср. тур. и татар. *rahman* ‘сострадательный, добродушный’ от араб. *rahmān* ‘то же’ (со ссылкой на древнеевр. *rachmani* ‘милосердный, милостивый’) [27. С. 153; 32. С. 459; 36. С. 272]. Говоря о происхождении фамилий типа *Рахманинов*, *Рахманин* и т.п., авторы справочника «Происхождение фамилий» указывают на их возможную связь с мусульманским мужским именем *Рахман* из арабского ‘милосердный’, ср. это слово выступает также в функции имени собственного мужского, но чаще в сочетании со словом в значении ‘раб’ *Абду-рахман* (букв. ‘раб милосердного’) [37]. М. Фасмер характеризует это предположение как «менее убедительное» [21. С. 449, 450].

На наш взгляд, развитие семантики диалектного прилагательного и преобладание значения ‘тихий, скромный, чудной’ прилагательного *рахманный* на южной территории России позволяет скорее высказаться в пользу первой гипотезы (восточнославянские мифы о рахманах, блаженном народе, вероятное развитие значений от ‘чудной, странный, излишне скромный’). Лексема *рахманный*, таким образом, находится в семантической близости к слову *блаженный* [34. С. 451, 452], и, по мнению Преображенского, «...нисколько не удивительно, что слово *врахманъ*, *рахманъ* стало синонимом чудной, смиренный» [33. С. 186].

Анализируя вторую гипотезу о происхождении слова *рахман*, мы обратились к материалу турецкого языка, где слово *Rahman* имеет значение ‘милосердный, сострадательный’ (эпитет Аллаха). Однокорневые слова представляют такую же семантику: *rahmani* ‘божественный’, *rahmet* ‘сострадательные, милосердие; милость (божья); прощение’, *rahim* ‘милостивый, милосердный’ и др. [38. С. 730]. Трудно, на наш взгляд, объяснить разветвленную систему значений русского диалектного прилагательного *рахманный*,

исходя из предположения о заимствовании из тюркских языков. Хотя здесь возможна и более поздняя, вторичная контаминация с тюркизмами.

Подводя итоги, отметим следующее:

1. Прилагательное *рахманный* ‘простодушный, скромный’ было впервые зафиксировано в XVII в., но, вероятно, появилось еще в древнерусский период (об этом свидетельствует его восточнославянский ареал распространения и отсутствие в славянских языках других групп, кроме польского). Производящее для *рахманный* существительное *рахман* (*брахмане*, *врахмане*) появилось еще в древнерусский период как византийское заимствование от *βράχμανοι*, *βραχμῆνες* ‘брахманы, брамины, индийские жрецы’, где начальное *β* передавалось русским согласным *в*.

2. Развитие семантики русского прилагательного *рахманный* могло быть следующим: первичное значение ‘индийский жрец, философ-аскет’ > ‘рахманин, житель сказочной страны, праведник’ > ‘тихий, скромный человек’ > ‘излишне скромный человек’ > ‘не такой, как все, отличающийся от других, отклоняющийся от среднестатистического’ (как чрезмерно ‘скромный’, так и чрезмерно ‘веселый, разгульный’, как ‘жадный’, так и ‘щедрый’, как ‘добрый’, так и ‘бездушный’, как ‘крепкий’, так и ‘болезненный’, как ‘хороший’, так и ‘плохой’ и т.д.). Распространение слова устным путем в русских народных говорах способствовало появлению разветвленной системы значений как с положительной, так и с отрицательной коннотацией.

3. Значения внешности человека (параметрическая характеристика ‘толстый, полный’ и эстетическая ‘пышный, красивый’, ‘невидный, невзрачный, неказистый’, ‘пучеглазый’), которые можно в целом представить как оценивающие в той или иной мере отклонение от среднего, также, на наш взгляд, восходят к ‘отличающийся от других, не такой, как все’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1968–2007. Вып. 34.
2. *Большой толковый словарь донского казачества*. М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 608 с.
3. *Словарь русских донских говоров* / авт.-сост. З.В. Валюсинская, М.П. Выгонная, А.А. Дибров и др.; отв. ред. В.С. Овчинникова. Ростов, 1975–1976. Т. 3.
4. *Новгородский областной словарь* / изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников; ред. А.В. Клевцова и Л.Я. Петрова; авт.-сост. А.В. Клевцова. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.
5. *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск: Наука и техника, 1973. 295 с.
6. *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*. СПб., 1858. 328 с.
7. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. М.: Прогресс – Универсал, 1994. Т. 3.
9. *Опыт областного великорусского словаря*. СПб.: 2-е отделение Академии Наук, 1852. 279 с.
10. *Дилакторский П.А., Левичкин А.И., Мызников С.А.* Словарь областного вологодского наречия по рукописи П.А. Дилакторского 1902 года. М.: Наука, 2006. 677 с.
11. *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.
12. *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 197 [1] с.
13. *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино)* / сост. Г.А. Барина, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова и др.; под ред. И.А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
14. *Словарь современного русского литературного языка* / ред. Л.С. Ковтун, И.Н. Шмелёв. М.; Л.: Наука, 1948–1965. Т. 12.
15. *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://search.ruscorpora.ru>
16. *Большой словарь русского жаргона 25 000 слов. 7 000 устойчивых сочетаний* / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; С.-Петербург. гос. ун-т, Межкафедральный сл. каб. им. проф. Б.А. Ларина; ред. изд. С.М. Снарская, В.М. Мокиенко. СПб.: Норинт, 2000. 716 [3] с.
17. *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный 2-м отделением Императорской АН*. СПб., 1847. Т. 4.
18. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–1999. Вып. 22.

19. Туников Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен [с прил.] / подгот. изд. и предисл. Ф.Б. Успенского. М. : Языки славянских культур, 2005. 1032 с.
20. Соболевский А.И. Несколько этнографических названий // Труды по истории русского языка. М. : Языки славянских культур, 2006. Т. 2. С. 149–167.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М. : Прогресс, 1986–1987. Т. 3.
22. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / ред. с добавлением собственных материалов Б.Д. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 4.
23. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ : Ірпінь: ВТФ: «Перун», 2005. 1728 с.
24. Русско-украинский словарь / гл. ред. И.И. Белодед. 2-е изд., испр. Киев : Укр. сов. энциклопедия, 1982–1983. Т. 3.
25. Етимологічний словник української мови / укладачі Р.В. Болдирев и др. Київ : Наукова думка, 1982–2006. Т. 5.
26. Гуцульські говірки. Короткий словник / відповідальний редактор Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.
27. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Акадэмія навук БССР, Беларуская навука, 1978–2006. Т. 11.
28. Белорусско-русский словарь = Беларуская-рускі слоўнік / Под ред К.К. Атраховича (Кондрат Крапива). Минск : Беларус. сов. энциклопедия, 1989. Т. 2.
29. Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. 756 с.
30. Дубровский П.П. Полный словарь польского и русского языка. Часть польско-русская. Варшава, 1901. 869 [3] с.
31. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 5.
32. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1974. 805 с.
33. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М. : ГИС, 1959. Т. 2.
34. Журавлёв А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2005. 1004 с.
35. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М. : Астрель–АСТ, 2000. 526 [2] с.
36. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch des slavischen sprachen. Wien, 1886. 547 с.
37. Происхождение фамилий. URL: <http://familii.info/family/t-7.html>
38. Большой турецко-русский словарь: 200 тыс. слов и словосочетаний / Баскаков А.Н. и др. 3-е изд., стереотип. М. : Живой язык, 2006. 960 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 марта 2014 г.

RUSSIAN DIALECT ADJECTIVE *RAKHMANNY* IN THE NATIONAL IMAGE OF APPEARANCE

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 34–40. DOI: 10.17223/15617793/387/6

Tolstik Svetlana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stolstik@mail.ru

Keywords: diachrony; dialectology; comparative-historical linguistics; borrowing; historical lexicology; etymology.

We investigate the origin of the Russian dialect word *rakhmanny* and history of the meanings of appearance in its semantic structure. *Rakhmanny* adjective describes a person's appearance in the dialects in parametric ('thick') and aesthetic ('beautiful' and 'ugly') aspects. The semantic structure of the adjectives *rakhmanny* widely represents enantiosemy. With a wide distribution area (North Russian, Central Russian, South Russian dialects), this adjective has a variety of other meanings that characterize the person from different sides: 'quiet, calm' and 'cheerful, riotous', 'sluggish, slow' and 'lively, agile', 'bad' and 'good', 'prudent' and 'simple-minded', 'kind' and 'heartless', 'unhealthy' and 'healthy'. The word *rakhmanny* has other, non-antonymous, meanings in dialects that mainly evaluated a person's character, especially behavior, cultural development, attitude to work ('relaxed', 'sly, cunning', 'hospitable', 'generous' 'fearless', 'educated, cultural', etc.). The derivation basis of the adjective is the noun *rakhman*: 'humbled man' (Kaluga), 'bully, robber' (Novgorod). Single rooted dialect words have no meaning of a person's appearance, and mainly reflect the semantics associated with the behavior of a human or an animal (often a 'quiet, gentle'). In order to reveal the inner form of the word, the origins of the primary motivation of the adjective *rakhmanny*, the occurrence of the appearance semantics, the author refers to the historical data of the Russian language. The adjective is fixed from the 17th century in the meaning 'simple-minded'. In the 19th century the Russian literary language has this adjective in the meaning marked as 'non-brisk, inert'. Old Russian recorded a single rooted noun *rakhmane*: 'Indian philosophers, the Brahmins'. Further the material of other Slavic languages is analyzed. The adjective in the main meaning 'peaceable, gentle, calm' is presented in the Ukrainian and the Belarusian languages. As an East Slavic word it is fixed in Polish. The semantics of a person's appearance is not represented in the Slavic material. In the literature on etymology there are two hypotheses on the origin of the word *rakhmanny*. Firstly, words *rakhman* and *rakhmanny* go back to the Greek βράχμανοι, βραχμᾶνες, 'Indian priests' (from Old Indian *brahman*) (A.I. Sobolevsky, M. Vasmer, A.F. Zhuravlev et al.). Secondly, they are characterized as Turkisms, cf. Turkish and Tatar *rahman* 'compassionate, good-natured' (F. Miklošič). The development of the semantics of the adjective *rakhmanny* in Russian dialects and the predominance of the meaning 'quiet, modest' in the southern territory of Russia allows speaking in favor of the first hypothesis. In the conclusion, the development of the semantics of the word *rakhmanny* is given: 'Indian priest, philosopher, ascetic' > 'resident of a fairy tale, the righteous' > 'quiet, modest person' > 'too humble' > 'not like the others, different from the others'. Spreading of the word orally in Russian dialects facilitated the emergence of an extensive system of meanings with both positive and negative connotations. The meanings of a person's appearance (parametric characterization 'thick' and aesthetic – 'beautiful', 'ugly') also estimate the deviation from the average and go back to the 'different from the others' semantics.

REFERENCES

1. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 1968–2007. Issue 34.
2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva* [The Great Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST Publ., 2003. 608 p.
3. Ovchinnikova V.S. (ed.) *Slovar' russkikh donskikh govorov* [The Dictionary of Russian Don Dialects]. Rostov, 1975–1976. Vol. 3.
4. Klevtsova A.V., Petrova L.Ya. (eds.) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 1435 p.
5. Rastorguev P.A. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoy Bryanshchiny. Materialy dlya istorii slovarnogo sostava govorov* [The Dictionary of Folk Dialects of Western Bryansk. Materials for the history of the dialect vocabulary]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1973. 295 p.
6. *Dopolnenie k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarya* [Supplement to the experience of the regional Great Russian Dictionary]. St. Petersburg, 1858. 328 p.

7. Dobrovol'skiy V.N. *Smolenskiy oblastnoy slovar'* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk, 1914. 1022 p.
8. Dahl V.I. *Tolkovnyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Reprint of the 1903-1909 edition. Moscow: Progress – Universal Publ., 1994. Vol. 3.
9. *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovary* [Experience of the Great Regional Vocabulary]. St. Petersburg: 2nd Division of the Academy of Sciences Publ., 1852. 279 p.
10. Dilaktorskiy P.A., Levichkin A.I., Myznikov S.A. *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 goda* [The Dictionary of Vologda regional dialect from the manuscript of P.A. Dilaktorskiy of 1902]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 677 p.
11. Durov I.M. *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of the Pomor Language in Its Domestic and Ethnographic Use]. Petrozavodsk: Karelia Scientific Center of RAS Publ., 2011. 455 p.
12. Podvysotskiy A. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of the Arkhangelsk Dialect in Its Domestic and Ethnographic Use]. St. Petersburg, 1885. 197 [1] s.
13. Ossovetskiy I.A. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino)* [The Dictionary of Modern Russian Folk Dialect (Deulino village)]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 612 p.
14. Kovtun L.S., Shmelyov I.N. (eds.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1948–1965. Vol. 12.
15. Russian National Corpus. Available at: <http://search.ruscorpora.ru>. (In Russian).
16. Snarskaya S.M., Mokienko V.M. (eds.) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov. 7 000 ustoychivyykh sochetaniy* [The Great Dictionary of the Russian Slang. 25,000 words. 7,000 set expressions]. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 716 p.
17. *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyy 2-m otdeleniem Imperatorskoy AN* [The Dictionary of Church Slavonic and Russian language, compiled by the 2nd Division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1847. Vol. 1-4.
18. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of Russian of the XI–XVII centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975–1999. Issue 22.
19. Tupikov N.M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [The Dictionary of Ancient Russian Personal Proper Names]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 1032 p.
20. Sobolevskiy A.I. *Neskol'ko etnograficheskikh nazvaniy* [Several ethnographic names]. In: *Trudy po istorii russkogo yazyka* [Works on the history of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. Vol. 2, pp. 149-167.
21. Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd edition. Moscow: Progress Publ., 1986-1987. Vol. 3.
22. Grinchenko B.D. (ed.) *Slovar' ukrainskogo yazyka, sobrannyy redaktsiye zhurnala "Kievskaya starina"* [The Dictionary of the Ukrainian Language compiled by the editors of Kievskaya Starina journal]. Kyiv, 1907-1909. Vol. 3.
23. Busel V.T. (ed.) *Velykyj tlumachnyj slovnyk suchasnoi ukrains'koï movy*. Kyiv: Irpin': VTF: "Perun" Publ., 2005. 1728 p. (In Ukrainian).
24. Beloded I.I. (ed.) *Russko-ukrainskiy slovar'* [Russian-Ukrainian Dictionary]. 2nd edition. Kyiv: Ukrainskaya sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982-1983. T. 3.
25. Boldirev R.V. et al. *Etymologichnyj slovnyk ukrains'koï movy*. Kyiv: Naukova dumka, 1982-2006. Vol. 5. (In Ukrainian).
26. Zakrevs'ka Ja. (ed.) *Gucul's'ki govorki. Korotkyj slovnyk*. Lviv, 1997. 232 p. (In Ukrainian).
27. *Jetymalagichny slownik belaruskaj movy*. Minsk: Akademiya navuk BSSR, Belaruskaja navuka Publ., 1978–2006. Vol. 11. (In Belarusian).
28. Atrakhovich K.K. (ed.) *Belorussko-russkiy slovar'* [Belarusian-Russian Dictionary]. Minsk: Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989. Vol. 2.
29. Nosovich I.I. *Slovar' belorusskogo narechiya* [The Dictionary of the Belarusian Dialect]. St. Petersburg, 1870. 756 p.
30. Dubrovskiy P.P. *Polnyy slovar' pol'skogo i russkogo yazyka. Chast' pol'sko-russkaya* [The Dictionary of the Polish and Russian. Part of the Polish-Russian]. Warsaw, 1901. 869 p.
31. Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. Kraków, 1900-1911. Vol. 5.
32. Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warsaw: Wiedza Powszechna, 1974. 805 p.
33. Preobrazhenskiy A.G. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: GIS Publ., 1959. Vol. 2.
34. Zhuravlev A.F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A.N. Afanas'eva "Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu"* [Language and myth. Linguistic commentary on A. Afanasyev's "Poetic views of the Slavs on nature"]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 1004 p.
35. Levkievskaya E.E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow: Astrel'–AST Publ., 2000. 526 p.
36. Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch des slavischen sprachen*. Wien, 1886. 547 p.
37. Proiskhozhdenie familiy [The origin of surnames]. Available at: <http://familii.info/family/t-7.html>
38. Baskakov A.N. et al. *Bol'shoy turetsko-russkiy slovar': 200 tys. slov i slovosochetaniy* [The Big Turkish-Russian Dictionary: 200 thousand words and phrases]. 3rd edition. Moscow: Zhivoy yazyk Publ., 2006. 960 p.

Received: 30 March 2014